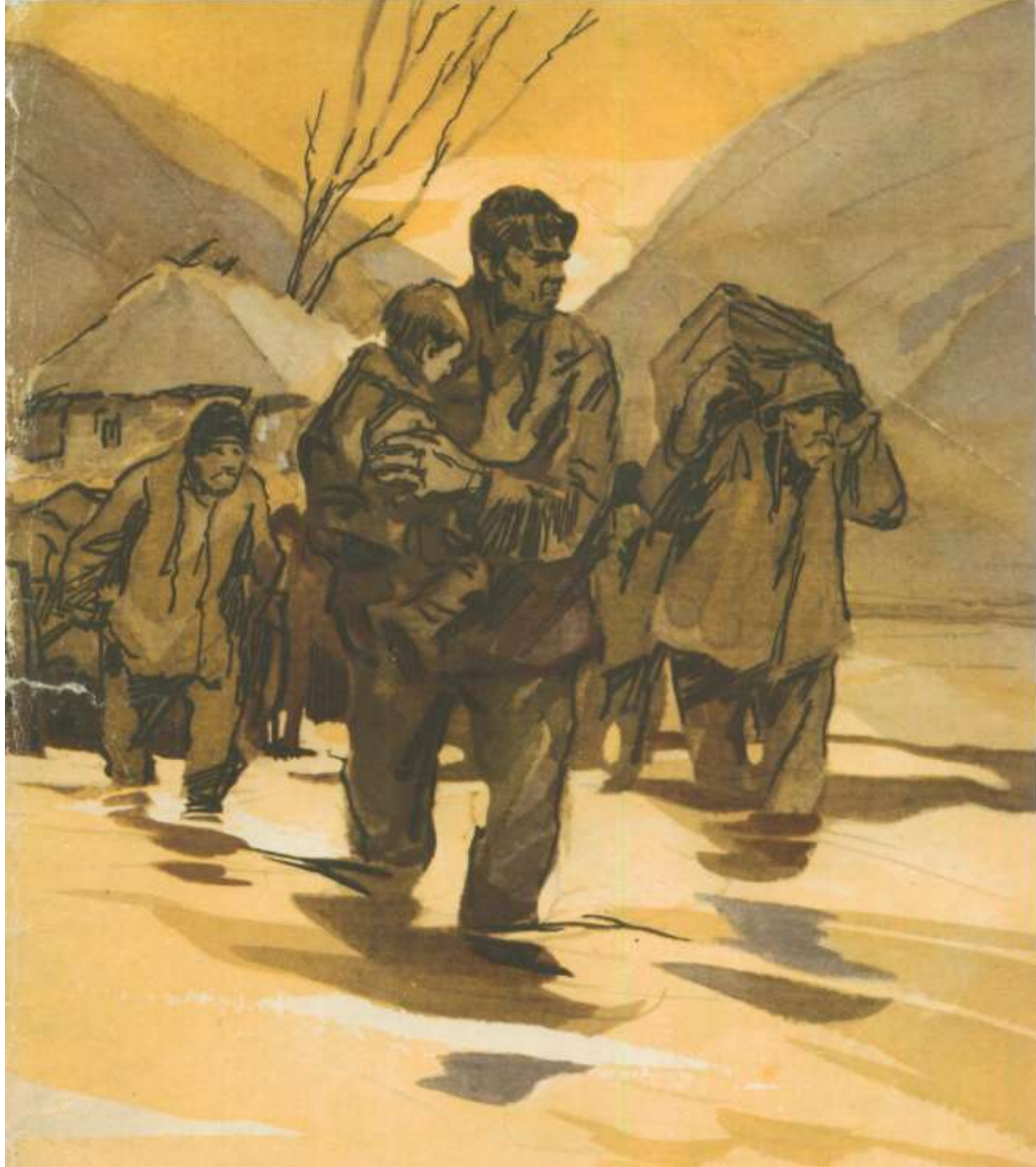

ДА ПОМОЖЕТ ЧЕЛОВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА”

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2010г.

ДА ПОМОЖЕТ ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗЫ

Рисунки И. Ушакова

МОСКВА
"Детская литература"
1978

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Четыре рассказа этой небольшой книги не похожи друг на друга ни по описываемым событиям, ни по времени, когда эти события происходят. Что же их объединяет, почему они собраны вместе? Общее для этих рассказов — отношение к религии.

Сегодня мы с вами — люди конца XX века, живущие в стране зрелого социализма, в стране всеобщего просвещения, необычайного развития знаний, исключительно быстрого и удивительного подъёма науки и техники, — в своём большинстве редко сталкиваемся с этим явлением. Более того, многие наши читатели подчас даже не знают, что же это такое — религия, не находятся под религиозным влиянием, не подвержены ему, и это хорошо. Хорошо потому, что избавляет их от неправильных представлений и взглядов, от вызываемого им мучительного и ничем не оправданного разлада с действительностью, со школой, товарищами... Ведь вся наша жизнь, мир, который нас окружает, наши поступки, желания — всё по самой своей сути в корне противоположно религии, этому неверному, искажённому взгляду на мир, на людей и их отношения. И тем не менее знать, что же собой представляет религия, на наш взгляд, нужно. Нужно потому, что с ней ещё приходится иногда сталкиваться — дома или в общении с другими людьми. И при этом человек неподготовленный, незнакомый с таким явлением, может растеряться, неправильно повести себя, даже, быть может, в чём-то поддаться влиянию религии.

Почему же религия встречается ещё сегодня?

Д12 Да поможет человек: Рассказы/ Рис. И. Ушакова.—М.: Дет. лит., 1978.—64 с, ил.

10 к.

Рассказы известных советских писателей: Л. Воронцовой, З. Воскресенской, В. Железникова, О. Романченко на антирелигиозные темы.

70802-467

P2

^д М101(03)78

© Состав. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.

Да, дело в том, что существует она очень давно. Возникнув ещё тогда, когда человек каждое природное явление принимал за действие каких-то таинственных сверхъестественных сил, она веками, тысячелетиями царила в умах людей, проникала в их жизнь, становилась, как им казалось, просто необходимой. А между тем религия постоянно мешала познанию, тормозила развитие человеческого общества, нередко тормозит его и в наши дни.

За длительное время религиозные представления закрепились, их пережитки встречаются у нас и теперь. И трудно, очень трудно бывает порой неподготовленному человеку, когда он с ними сталкивается и ему надо прямо, решительно высказать своё к ним отношение. Особенно если это касается близких вам людей — мамы, бабушки, тёти... Ох, как не просто было, например, Зине Стрешневой из рассказа этой книги «А если бабушка велела?» отказать бабушке и не пойти святить кулич! Ещё хуже пришлось сельскому пареньку Василию из рассказа «Да поможет человек». Они с матерью находились под влиянием одной из самых фанатичных христианских сект — «свидетелей» Иеговы, или, как их называют в просторечии, иеговистов.

Секты — группы верующих, которые в чём-то не сходятся с каким-либо большим религиозным направлением. Секта, принявшая имя «свидетелей» древнего христианского и иудейского бога Иеговы, отличается особенно строгими запретами и требованиями: не принимать участия в общественной жизни, не смотреть телевизор, не ходить в кино и театр и т. п. И всё это ради одного — спастись, когда якобы настанет конец света. Такой «конец света» — армагеддон — руководители этого религиозного течения предсказывали уже не раз...

Как же быть с религией, как к ней относиться?

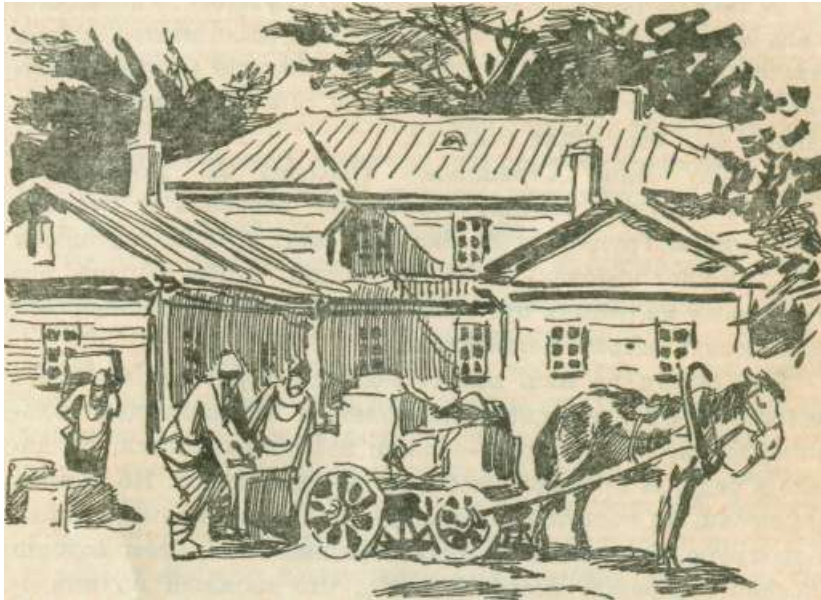
Рассказы, которые вы здесь прочитаете, во многом дают ответ на этот вопрос. Так, юный Ленин — Володя Ульянов — (рассказ 3. Воскресенской «Дом продан») проблему эту решил для себя твёрдо и принципиально: снял крестик и порвал с религией окончательно. В то время это было не только крайне сложно, но и опасно.

Валька из рассказа О. Романченко «Еретик» — советский мальчик, он относится ко всему с точки зрения нашей жизни. Именно такой подход позволяет ему быстро увидеть несуслажности в прочитанном отрывке из Библии, которую поднесла ему верующая старуха.

Ошибку Зине Стрешневой (рассказ Л. Воронковой «А если бабушка велела?») помогают осознать её учителя и товарищи. Труднее всего Василию (рассказ В. ЭКелезников «Да поможет человек») — он верующий. Чтобы вырвать его и его маму из цепких пут секты, герой рассказа должен был действовать весьма решительно.

Для ответа на наш вопрос последний рассказ наиболее интересен. Он наглядно показывает: в подавляющем большинстве своём верующие — люди заблуждающиеся, попавшие в беду. И им надо помочь из неё выбраться. Но помочь дружески, не поступаясь пионерскими принципами, однако и не грубо. В рассказе о Зине Стрешневой об этом хорошо сказано: «Прежде всего помнить, что каждый из них — живой человек». А в общем, любое заблуждение бессильно перед истиной — вот к какому выводу приходишь, прочитав эту книгу.

Е. Дубровский

ДОМ ПРОДАН

Все двери распахнуты. Во двор выносят мебель. На яркой зелени травы в солнечном свете столы, стулья, комоды выглядят ветхими.

Симбирские обыватели заходят в раскрытые настежь ворота, оглядывают, ощупывают вещи, покупают по дешёвке домашнюю утварь. Пользуются случаем, что дом продан и обитатели его уезжают.

На подводу погрузили широкий кожаный диван, что столько лет стоял в кабинете Ильи Николаевича. Мария Александровна с детьми наблюдает с крыльца, как диван, вздрагивая на телеге, выезжает за ворота.

С этим диваном связаны дорогие воспоминания. На нём дети вместе с матерью слушали рассказы

Ильи Николаевича, когда он возвращался из поездок по губернии, в зимние вечера распевали песни, учили наизусть запрещённые стихи Некрасова, Минаева, Плещеева, записанные Ильёй Николаевичем в маленькую тетрадь.

На этом диване умер Илья Николаевич, умер за работой, за своим последним годовым отчётом...

Подводы выезжали со двора одна за другой.

Книжные полки никто не купил, и они стояли у зарослей акации, сложенные одна на другую, зияя пустыми провалами.

Володя с Олей и Гриша принялись упаковывать книги. Митя и Маняша заворачивали в старые газеты посуду, помогали Вере Васильевне укладывать её в ящики.

Мария Александровна прошлась по комнатам.

Гулко звучали шаги в пустом доме. Чужими и неуютными стали комнаты. В детской на полу, как на поле брани, валялись измятые бумажные солдатики. В Володиной комнате на обоях выделялся светлый квадрат — след географической карты. В Сашиной комнате на окне лежала разбитая колба.

Мария Александровна ходила из комнаты в комнату, еле держась на ногах от нахлынувших воспоминаний.

В гостиной остался рояль, у окна пышные цветы в кадках, в углу икона.

Мария Александровна взглянула на почерневший лик девы Марии и остановилась. В детстве и юности она свято верила, что богоматерь является заступницей от всех бед, несправедливостей. Маленькой девочкой горячо молилась, просила оставить ей мать... Мама умерла... И ещё одну молитву помнит Мария Александровна: когда тяжело заболел её третий младенец, Коленька, она

обратилась за помощью к матери бога. Всю ночь молилась. К утру Коленька умер.

Постепенно угасала вера. Не уберегли иконы от преждевременной смерти Илью Николаевича, не спасли от казни Сашу. Исчезла потребность в дни горести и печали прибегать к молитве.

В гостиную зашёл Володя и хотел было повернуть обратно, но увидел, что мама не молилась, нет, она стояла и о чём-то раздумывала. Володя бросил взгляд на икону. Круглые детские глаза богоматери и толстощёкий младенец с глазами старца. А перед иконой стоит его мать — земная, прекрасная и сильная, нежная и мудрая. Нет, она не молилась, она размышляла...

Володя вопрос о религии решил для себя два года назад. Это решение пришло к нему вместе с познанием мира, чтением книг, изучением таких наук, как астрономия, физика, химия.

Перед началом учения и экзаменами в гимназии служили молебны. Священник внушал гимназистам, что горячая молитва их всегда дойдёт до бога, поможет избежать коварных двоек, умудрит, прибавит знаний, а богохульников накажет.

Володя накануне экзамена снял с себя крест и забросил в заросли крапивы. Утром, по обыкновению, мылся в передней в тазу до пояса. Мария Александровна заметила, что на шее у него нет цепочки с крестом. Внимательно посмотрела на сына, ничего не сказала. Молча согласилась. Все экзамены Володя сдал на круглые пятёрки...

Мария Александровна отвела глаза от иконы, заметила Володю.

— Володюшка, я решила не брать с собой иконы. Думаю отдать их в монастырь. Не нужны они нам. Если продавать — поднимется шум в городе. Хватит и того, что бьют стёкла в нашем доме, что

все бывшие приятели переходят на другую сторону улицы при встрече.

— Ты правильно решила, мамочка.

В тот же день к Ульяновым пришёл старый монах. Он со знанием дела повертел в руках сложенные на ящиках иконы, осмотрел пробы на ризах — серебряные ли, колупнул ногтем лик девы Марии — захотел проверить, писаная икона или печатная, ловко завернул стопку икон в тряпицу и обвёл взглядом углы комнат.

— А себе-то оставили что? — осведомился он. — Молиться вам надо о спасении души великого грешника Александра.

— Мы о себе не забыли, — ответил за мать Володя. — Мы отдаём лишнее.

Монах покосился на молодого человека, не зная, как понять его слова.

Потом пришли за Красавкой. Новый хозяин повёл её на верёвке. Красавка мычала, упиралась всеми четырьмя ногами, мотала головой, протестовала против петли на шее. На прощание собрала мягкими губами корки хлеба с ладоней детей. Девочки и Митя с грустью прощались со своей любимицей.

Всей еемьёй упаковывали рояль: обвязали его тюфяками, обшили рогожей. Это был мамочкин рояль. Это был большой источник радости. Мама должна к нему вернуться, и Оле нужно закончить музыкальное образование. Это была самая большая драгоценность в семье.

И ещё швейная машинка.

Она служит маме больше двадцати лет. Сколько на ней было подрублено пелёнок, сшито распашонок, рубашек, штанишек, платьев и сколько ещё будет сшито, переделано, перелицовано, починено...

Машинка была старая и громко стучала, даже на улице было слышно. Дробный стук её достигал

самых дальних углов дома. Поэтому мама работала на ней только днём, когда дети были в гимназии, а Илья Николаевич в отъезде.

На этой машинке мама научила шить Аню, Олю и Маняшу.

Володя особенно тщательно упаковывал швейную машинку.

Обедали в этот день на ящиках с книгами. Маняша и Митя нашли, что так вкуснее и интереснее, чем за покрытым скатертью столом.

После обеда пошли прощаться с садом.

Во дворе трава была помята и местами вытоптана. Обрывки шпагата, мочалы, бумаг кружились по ветру. Дети заглянули в каретный сарай, в пустой хлев. Уныло висели гигантские шаги, чуть поскрипывали кольца на качелях, словно приглашали покачаться в последний раз, но никто к ним не подошёл.

Только сада не коснулись сборы. Яблоки на деревьях стали светлее листьев и висели как фонарики. Ветви отяжелели, и их поддерживали со всех сторон подпорки. Урожай обещал быть богатым. У беседки доцветал большой куст жасмина, и опавшие лепестки лежали на траве, как снег. Клумбы настурций жаркими кострами горели между яблонь. Малинник был увешан начинающими розоветь орешками ягод. Посыпанные свежим песком дорожки придавали саду праздничный вид.

Володя зашёл в беседку. Здесь они любили уединяться с Сашей. Оля обняла шершавый ствол вяза, прижалась к нему щекой. Митя с Маняшей, взявшись за руки, бродили по дорожкам.

Мария Александровна в чёрном платье казалась меньше своих детей — так истаяла она за эти пять недель со дня гибели Саши. Глубоко затаив своё горе, она понимала, что дети, даже девятилетняя Маняша и тринадцатилетний Митя, прощались сейчас со своим детством.

Дальше оставаться в Симбирске было нельзя. Мария Александровна спешила к старшей дочери в Кокушкино, где Аня начала отбывать свою пятилетнюю ссылку. Тюрма, казнь брата надломили её, и ей так нужна была поддержка матери. Володя будет учиться в Казанском университете. Оля должна закончить музыкальное училище. Мать не пустит теперь детей одних. Будет всегда с ними.

— Мамочка, можно срезать розы? — спросила Маняша.

Розы в этом году цвели особенно обильно и, нагретые солнцем, распространяли свой нежный аромат.

— Нет, оставим сад во всей красе. Не тро-нем здесь ничего. Пусть он принесёт людям радость.

Мимоходом, по привычке, Мария Александровна оборвала с яблонь несколько больных листьев, сунула их в жестяную банку с керосином, стоявшую у изгороди.

Последним из сада вышел Володя. Он повернул щеколду в калитке, облокотился на изгородь и долгим взглядом окинул сад, стараясь запомнить его на всю жизнь.

К вечеру от Свияги к Волге по булыжной мостовой тянулись подводы. На передней лежал зашитый в рогожи рояль. Рядом шёл Володя и уговаривал ломового извозчика ехать тише — рояль вздрагивал на телеге и глухо звенел.

Мария Александровна шла с Верой Васильев-ной. За Володей шагали Гриша, Ваня Зайцев и Никифор Михайлович Охотников, Саша Щербо помахала Оле из переулка. Все дети Ульяновы остав-ляли здесь своих друзей по гимназии, по играм, но осторожные родители не разрешили им провожать крамольную семью.

По обеим сторонам Московской улицы деревян-

ные домишки крепко связались друг с другом вы-сокими заборами, прочными замками на калитках. Но в этот час все окна были распахнуты, и обита-тели домов тайком выглядывали из-за кисейных занавесок, оценивали имущество на подводах, качали головами: мол, вот им и горе нипочём, все вещи, даже столы со стульями, распрода-ли, а рояль везут с собой. Уж какие там теперь рояли...

Семья Ульяновых покидала Симбирск.

Позади, внизу на спуске к Свияге, остался пу-стой дом с цветами на окнах и праздничный, цве-тущий сад.

Зоя Воскресенская

А ЕСЛИ БАБУШКА ВЕЛЕЛА?

(Главы из повести «Старшая сестра»)

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЗИНОЙ

Утром Зина слышала, как бабушка, вставая, охала и кряхтела:

— Ох, ох, батюшки, кровные... Как поясницу-то разломило!

— А не надо было вчера тут целую баню устраивать, — сказал отец. — Замучилась вчера — вот и болеешь! Чего ради?

— Как — чего ради? Ты-то ещё, греховодник! Завтра пасха, а он — чего ради!.. Пойти тесто посмотреть — подходит ли.

В школе тоже кое-где бродили разговоры о завтрашнем празднике христианской церкви.

— А у Белокуровых пасху справляют! — сообщила курносая, вечно оживлённая, вечно всё знающая Аня Веткина. — Отец — коммунист, а они пасху справляют!

Тамара услышала.

— Ничего подобного! Мы ничего не справляем, — возразила она. — Просто мама велела сделать пасху и кулич испечь. Что ж такого? Просто вкусные вещи. Отчего же не поесть, если вкусно? Вот ещё! Мы же их в церковь не понесём!

— А что, сладкий творог можно только именно в этот день есть? — запальчиво вмешался в разговор принципиальный Саша Агатов. — А в другие дни нельзя? Вот у нас в молочной очень часто бывает сладкий творог с изюмом — купи да ешь!

— Ну, уж в этот день... — как-то осторожно, поджимаясь, промямлила Ляля Капустина, последнее время так и ходившая по следам Тамары. — В этот день... как все...

— Как все? — вспыхнул Саша. — Кто это — все?

— Ну, народ... — Ляля взглянула на Тамару. — Подумаешь, какое дело...

— Народ! — вмешалась Маша Репкина. — Народ уже давно никаким богам праздники не справляет.

— Эх вы, а ещё пионерки! — добавил Саша. — Беспринципиальные вы!

Маша взяла под руку Зину, которая молча стояла тут же, и они пошли по широкому голубому коридору. В конце коридора сияло огромное, освещенное солнцем окно.

— Пионерки тоже! — повторила Маша. — Им всё равно, лишь бы вкусно. Они, если хочешь, и в церковь пойдут!

— А что может Тамара сделать, — негромко сказала Зина, — если её мама захотела кулич испечь? Ведь она у Тамары не спросилась же!

— Ну и правильно. И конечно, не спросилась.

Ну, а у Тамары, у пионерки, должно быть своё отношение к этому? Должно. А у неё нету. Ей лишь бы послаще чего, самое главное! Её это не волнует даже. По-твоему, это по-пионерски?

— Нет,— согласилась Зина,— конечно, не по-пионерски!

Зина сказала и тут же проверила себя: а она разве бабушкиному куличу не радуется? И, к успокоению своему, почувствовала, что нет, не радуется, что бабушка своими церковными разговорами так замучила её, и так устала она бояться, что все эти церковные обряды заинтересуют и увлекут ребят и они вдруг вместе с бабушкой начнут веровать в бога и молиться. Зина так устала от этого, что и кулич и пасха казались ей чем-то враждебным, как опасная приманка в западне. Нет, Зина ничему этому не радовалась.

Они шли по коридору, а Тамара и Ляля Капустина глядели им вслед, внутренне смущённые. Но смущения своего они даже и друг другу показать не хотели.

— Подумаешь! — сказала Тамара.— Уж очень умные чересчур!

— Подумаешь! — повторила и Ляля, не зная, что бы такое сказать ещё. Но ничего не придумала и опять повторила: — Подумаешь!

Зина была согласна и с Агатовым и с Машей. Пионер должен быть принципиальным всегда и во всём. Но она не знала, какое испытание ждёт сегодня её самоё.

Дома по всей квартире плавал запах слобного теста. В комнате было празднично прибрано, стол накрыт самой лучшей скатертью с жёлтой каймой — эту скатерть мама стелила только на Новый год, на Первое мая и на Октябрьские праздники. В спальне перед бабушкиной иконой горела маленькая зелёная лампадка.

Бабушка лежала на диване.

— Пришла? — окликнула она Зину.— Ох, ох... Вот и хорошо. Придётся тебе, Зина, мне услужить сегодня... Прямо не разогнусь после вчерашней-то уборки. Не знаю, как сегодня заутреню выстою...

— А может, тебе не ходить сегодня в церковь, бабушка? — сказала Зина.

— Что ты! Да нешто можно! — Бабушка села на диване и опять охнула.— Это к заутрене-то! Да ведь «Христос воскрес» будут петь!

— А что надо сделать? — спросила Зина, прикидывая в уме, что такое понадобилось бабушке.

— Сходи, матушка, в церковь, освяти кулич,— ласково сказала бабушка.— Ох... сама никак не могу!

Зина повернулась к бабушке и уставилась на неё изумлёнными глазами:

— Что?!

— Ну — что-что! — со скрытой досадой сказала бабушка.— Как будто я невесть что говорю. Сходи, говорю, в церковь, тут недалечко, не на край света посылаю, да освяти кулич — вот и всё, и ничего больше! Кабы я сама могла, разве бы я просила?

— Я не умею куличи святить,— бледнея от возмущения, ответила Зина и отошла к своему столу.

Ещё этого не хватало, чтобы школьница, пионерка, пошла в церковь кулич святить!

Но бабушка не собиралась уступать Зине.

— Аи уметь-то нечего,— возразила она.— Вот завяжу тебе в платочек, да и отнесёшь. А там уж — что люди, то и ты. Поставишь куда надо. Покажут. Батюшка придёт, побрызгает святой водой — и всё. Возьмёшь и обратно принесёшь.

— Бабушка, я пионерка, я не могу ходить в церковь,— сказала Зина как могла спокойнее.— Я не могу. Это нечестно!

— Эко, выдумки какие! — Бабушка начала по-немногу давать волю своему раздражению.— Не-

честно своей бабушке услужить! Бабушка-то вон не посчиталась, дом свой бросила да к вам приехала... А вот заболела — и конец. Оставайся без праздника!

— Бабушка, пусть Анна Кузьминична снесёт.

— Снесёт она, как же, греховодница такая! — Бабушка махнула рукой. — Давай, говорит, я твой кулич из-под крана попрыскаю, а поп-то, говорит, нешто не такой же водой прыскает. Всё ведь на смех — вот в Москве народ-то какой! Ну, что ж поделать... видно, без праздничка оставаться. Да, видно, пора и вещички свои собирать да и отправляться опять из земли Халдейской в землю Хананскую. Домой, восвояси. Там хоть и соседи вокруг меня, а тут? Вот и в родной семье, а одним-то одна, некому кулича освятить!

Зина молчала. Слушала. Так и решила отмолчаться. Но заявление бабушки о том, что она уедет восвояси, испугало Зину.

— А папа? — живо сказала она. — Папа тебя не пустит.

Бабушка тотчас поняла, в какую точку надо бить.

— Ну уж нет! — покачала она головой. — Никто меня не удержит. Отцу твоему, конечно, приятности мало. Нешто хорошо? Родную мать из дома выжили. Вот каких деток воспитал! Ну, а мне что? Мне и дома на печи не дует. Только молча я не уеду. Всё отцу выложу. Один-то раз, единственный, бабушка попросила — и на тебе, отказ — и всё тут!

Зина нахмурилась, опустила голову и угрюмо смотрела, как за стеклом падает капель.

«Что же мне делать? — думала Зина. — Ну что же мне теперь делать?»

Если бы можно было сейчас прибежать к Елене Петровне и всё-всё рассказать любимой учительнице! Но как же прибежишь? Ведь она ещё не в

школе, а домой к ней не прибежишь когда взду-
мается. И когда же бежать, если бабушка — вот
она! — стоит над душой неотступно со своим ку-
личом?

Зина пожалела сейчас, что не рассказала про
свои домашние дела Елене Петровне в тот день,
когда ходила навещать её. Зина только сидела и
радовалась, что снова видит её, слушает ласковый,
живой разговор, ощущает её доброе присутствие...
Да и как было рассказывать? Тут же сидели и дру-
гие девочки — Фатма, Шура Зыбина. И ещё Аня
Веткина, которая сейчас же всё это и разнесла бы
по всему классу. Елена Петровна сказала, что ско-
ро поправится и придёт в школу... Да, она скоро
придёт. А вот что же делать Зине сегодня?

Бабушка шумно вздохнула, охнула и подня-
лась с дивана:

— Ох... Видно, нет у меня никого. Ни внучки,
ни сына...

Зина устало отвернулась от окна и поглядела
на бабушку. Она уже знала, что будет дома, когда
вернётся отец: расстроенное лицо бабушки красно-
речиво говорило об этом. Зина почувствовала, что
у неё больше нет сил выдержать домашний разлад.
Воля её надломилась.

И как всегда, когда у человека ослабевает воля
и когда он устал от сопротивления, начинают появ-
ляться откуда-то мелкие, компромиссные доводы,
которые могут вывести из трудного положения.

«Может, сходить, освятить ей этот кулич? —
подумала Зина.— Ну, что я, от этого сразу верую-
щая стану, что ли? Ну, она верует, ей это нужно.
А если бы она меня за лекарством послала, я ведь
пошла бы! Должна же я, правда, делать, если
бабушка велит... Она же всё-таки моя бабушка.
Я обязана...»

Но главная мысль, которая диктовала ей это,
была та, что вот сходит она с куличом — и в доме

всё будет тихо, и никто никуда не уедет, и отец не
расстроится.

Бабушка раза два взглянула на Зину и достала
из кармана своего фартука носовой платок.

— Ну что ж... значит, я без праздника...—
Бабушка приложила платок к глазам.— Значит,
так и останусь...

— Бабушка, я пойду! — остановила её Зина.—
Где твой кулич?

Бабушка всхлипнула ещё разок и сразу пере-
стала плакать — как ребёнок, которому дали то,
что он просил. Кулич уже был приготовлен —
высокий, с тёмными глазками изюма и с белой
сахарной поливой наверху. На этой поливе лежали
две буквы из румяного теста: «Х. В.» — «Христос
воскресе».

«Ну и зачем это всё надо ей,— с тоской думала
Зина, принимая белый узелок с куличом,— если
никакой Христос никогда и нигде не воскресал?
Ведь она уже большая, старая даже, а как же она
может этому верить?»

— А ты — переулочком,— учила бабушка Зи-
ну.— Не ходи по улице-то... Переулочком, а потом
проходным двором. Вот тебя и не увидит никто,
уж коли тебе совестно с куличом идти.

Зина, не отвечая, оделась, засунула поглубже
под пальто свой пионерский галстук и, взяв по-
удобнее белый узелок, вышла из дому.

Зина шла по улице, и ей казалось, что все про-
хожие глядят на неё, качают головами, улыбаются
насмешливо или осуждающе сдвигают брови. Свер-
кало солнце в лужах, чирикали воробьи, где-то
звонко лаяла собака, смеялись мальчишки, гука-
ли автобусы, покрикивал на заводском дворе ма-
ленький паровозик... Весна, заполняя улицы, дела-
ла их шумными и весёлыми.

Зина, ничего не видя и ничего не слыша, проби-
ралась к церкви. Ах, если бы сделаться ей малень-

кой-маленькой, такой, что прошла бы она по улицам и никто бы её не увидал! Иногда Зина поднимала голову и быстро оглядывалась вокруг: не идёт ли по улице кто из знакомых девочек? Не следят ли за ней чьи-нибудь глаза?

В глухом переулке никого не было. Шли пожилые женщины, шли старухи с такими же белыми узелками в руках. Вот ещё и дяденька какой-то идёт — тоже с куличом.

Из-за крыш маленьких старинных домов наконец показались круглые купола притаившейся среди них церкви. Кресты ярко блестели на солнце — один повыше, другой пониже. На том кресте, что пониже, уселась пара шустрых воробьев, прочиркала что-то и улетела снова...

Зина, успокоенная тем, что церковь уже близко и что ей, к счастью, никто на пути не встретился, проводила взглядом этих воробьев и улыбнулась им.

Но тут же, будто кто толкнул её, Зина оглянулась и увидела Тамару Белокурову. Тамара шла откуда-то со своей матерью. Зина прибавила шаг, надеясь свернуть за угол, пока Тамара не увидела её. Тамара в этот момент обернулась в её сторону и приподняла руку в пёстрой рукавичке... Увидела? Нет?

«Нет, наверно, нет!»

Зина быстро, не оглядываясь, свернула в заросший деревьями двор церкви и скрылась в холодном полумраке её больших раскрытых дверей.

Тамара и её мать возвращались с вокзала. Они провожали отца. Инженер Белокуров уехал работать в совхоз... Тамара шла расстроенная разлукой с отцом...

В это время она увидела Зину Стрешневу, которая торопливо переходила через дорогу. Тамара заметила, что она несёт какой-то узелок. Сначала не поняла, что это такое...

— Люди куличи понесли святить,— сказала мать, будто немножко завидуя им.

Тамаре стало ясно: Зина несёт кулич в церковь. Тамара подняла руки и всплеснула ими, слегка хлопнув пёстрыми рукавичками. И мгновенно вся её грусть исчезла. Воспоминание о том, как вчера девочки так пренебрежительно отнеслись к ней за то, что она похвасталась своими куличом и пасхой,— это воспоминание словно опалило её.

— А, вот как! — улыбаясь торжествующей улыбкой, сказала она.— У меня к куличам пионерского отношения нет! А у них есть, у них вот есть! Ага! Куличики в церковь носите?.. Мама, мама, ты послушай! — нервно и горячо начала объяснять Тамара в ответ на недоумевающий взгляд матери.— Я вчера только сказала, какие у нас вкусные кулич и пасха, а уж они начали: «Не по-пионерски! Куличу и пасхе радуешься! А ещё пионерка!» А теперь гляди-ка, гляди,— Тамара засмеялась,— вон она! Кулич в церковь понесла! Вот это так да! По-пионерски!

— Ну вот и скажи об этом где надо,— сказала мать,— будут знать, как над тобой смеяться!

— Конечно, скажу, — ответила Тамара. — А что, скрывать буду? Уж я-то знаю! Я не только в нашем отряде скажу. Что наш отряд! Я прямо старшей вожатой скажу. Вот они узнают завтра, как у них настоящие пионеры поступают!

ЗИНУ СУДЯТ ТОВАРИЩИ

В понедельник Зина пришла в школу и сразу поняла, что уже весь класс знает о том, что она ходила в церковь. Девочки шушукались у неё за спиной, переглядывались, умолкали, когда она к ним подходила.

— Все говорят, что ты с куличом в церковь

ходила...— шепнула ей Фатьма на первом же уроке.— Вот что выдумали!

— Они не выдумали,— ответила Зина.

Фатьма, слегка отодвинувшись, посмотрела на неё:

— Ты ходила в церковь?

— Да.

Иван Прокофьевич прервал объяснение задачи и покосился из-под очков в их сторону:

— Если некоторые думают, что я объясняю задачи для собственного удовольствия, то они ошибаются.

Зина сидела молча, с неподвижным лицом. Казалось, что она внимательно слушает задачи и что думает только о том, как бы понять лучше и запомнить объяснение учителя.

А Зина думала совсем о другом. Ока вся замирала от мысли, что уронила своё пионерское достоинство и что теперь уже ничего поправить нельзя. Сегодня или завтра — всё равно когда — её вызовут на совет отряда. И будут спрашивать, и будут стыдить её, и будут удивляться, как могла она так постукить. И вся школа будет знать об этом... уже знает, наверно. И Елена Петровна... Что теперь скажет Елена Петровна?

И только одна Фатьма понимала, что переживает подруга.

— Я знаю,— шепнула она, когда Иван Прокофьевич отошёл к доске,— это всё твоя бабушка.

Зина не отвечала.

Фатьма не могла дождаться перемены. И как только зазвонил звонок и Иван Прокофьевич вышел из класса, Фатьма набросилась на Зину:

— Почему я не знала ничего? Почему мне не сказала? Ну почему это, а?

— А зачем тебе говорить! — возразила Зина.—

Я нарочно не сказала. Пусть я одна буду виновата...

Они вышли из класса вместе. Фатьма крепко держала её за руку. Тут же к ним подбежала Шура Зыбина:

— Зина, правда, что ты в церковь кулич носила?

— А кто это сказал? — сердито вступилась Фатьма.

— Ну, я так и знала! — У Шуры просветлело лицо.— Конечно, наболтал кто-то...

— Не наболтал кто-то, а Тамара сама видела!..— К ним подошёл Саша Агатов, хмурый, будто обиженный.— Что же ты молчишь? Если неправда, так... Я тогда Белокуровой за клевету...

— Я правда ходила в церковь,— сказала Зина.

Саша сразу умолк, а Шура испуганно охнула.

— Девочки, её бабушка заставила! — горячо заговорила Фатьма.— А если бы у вас была такая бабушка? Вот заставила бы — и тоже пошли бы!

— Никогда бы меня никто не заставил! — сердито возразил Саша.— Никогда и никто!

Незаметно подошла Маша Репкина. Она стояла и слушала. А потом сказала, как всегда, отчётливо и твёрдо:

— Надо обсудить на звене!

— Нет, не на звене...— Саша отрицательно покачал головой,— на совете отряда надо.

— Да что вы! — вскипела Фатьма.— Прямо уж суд какой-то хотите!.. А если бабушка велит?

— Мало ли кто что велит! — возразила Маша.— Мы должны прежде всего думать, что нам красный галстук велит!

— Ребята, жалко...— заступилась за Зину Шура.— Обсудим на звене — и хватит! А как же быть-то? Ведь мы должны же взрослых слушаться!

Саша резко повернулся к ней:

— А если взрослые скажут тебе: сними и брось

свой пионерский галстук — ты снимешь и бросишь? Мы дали торжественное пионерское обещание. Мы не имеем права ходить в церковь, кто бы нас ни заставлял. Пионер не имеет права! Раз пионер идёт в церковь — значит, он поддерживает религию. И значит, нарушает своё торжественное обещание...

— Да что она, молилась там, что ли? — прервала Сашу Фатма. — Она же не молилась!

— Всё равно, — вмешалась Репкина. — Раз пошла в церковь, да ещё кулич святила — это всё равно. Настоящий пионер так никогда не сделает. Это вам не забава.

Перемена кончилась, разговор прервался. Саша с упрёком сказал Зине:

— Эх ты, а я тебе больше всех верил!

И отошёл, будто Зина очень обидела его лично.

С каждым уроком, с каждой переменной, с каждым часом Зина чувствовала, как вокруг неё нарастает тревожное и тягостное внимание. Она ловила любопытные взгляды, отрывки разговоров:

— А что будет?

— Наверно, на совет отряда...

— А говорят, Ирина Леонидовна хочет прямо перед всей дружиной галстук снять...

Зина, услышав это, машинально схватилась за концы своего галстука. Но тут же разжала руку. А может, они правы... Может, с неё и правда надо галстук снять...

Она ждала, что её вызовет к себе Вера Ивановна, и готовилась всё рассказать ей и всё объяснить. Но Вера Ивановна была занята на уроках в других классах. И лишь, встретив Зину в коридоре на одной из перемен, сказала:

— Нехорошо, нехорошо ведёшь себя, Стрешнева!

— Вера Ивановна, я... — начала было Зина.

Но Вера Ивановна не стала слушать. Она спе-

шила в учительскую, потому что не успела подготовиться к следующему уроку и потому что считала лишним выслушивать всякие объяснения и оправдания — провинившиеся всегда оправдываются.

То один, то другой подходил к Зине — кто с любопытством, кто с сочувствием, кто с осуждением... Лишь Тамара держалась в стороне. Она словно не видела Зину. А Зина смотрела на неё издали и всё как будто старалась понять: что же это за человек Тамара Белокурова, с которой они обещали дружить на всю жизнь?

«Она видела меня, она обязана была сообщить, — думала Зина. — Да, обязана. Нет, она настоящая пионерка».

Так говорила себе Зина, но сердце её почему-то не принимало этих слов. Всё правильно — и что-то не то, и что-то не так!

«Ну, если она настоящая пионерка, — Зина продолжала спор сама с собой, — то подойди к ней и скажи ей какое-нибудь хорошее слово — ведь она же поступила правильно!»

Но сердце её тут яростно протестовало:

«Нет, я не могу подойти к ней! Я не могу сказать ей хорошего слова! Она сто раз права, а я не могу! И не хочу! И не буду!»

На большой перемене к Зине подошла Шура Зыбина и отвела её в сторону:

— Ирина Леонидовна Елене Петровне звонила... Девочки слышали! Всё ей сказала! Что делать?

Зина молча покачала головой: она не знала, что ей делать.

К концу дня Зина так устала от всех этих переживаний, что на последнем уроке сидела, ничего не понимая. Ботаника, любимый предмет. На какие-то несколько минут раскинулась круглая голубая полянка с бело-розовым бордюром вербены

и островками зелёных кустов... Но вдруг на её парту упала туго сложенная записочка: «Тамара бегала к вожатой, чтобы тебя вызвали на дружину. Я буду за тебя заступаться. Горшков».

Зине стало тяжело и душно, как перед грозой. Перед всей дружиной! Что делать? Может, взять вот сейчас да и убежать из школы?..

Ирина Леонидовна, в то время как шёл урок, сидела одна в пионерской комнате. Брови её были озабоченно сдвинуты.

«Надо будет организовать это как следует,— думала она, записывая план будущего совета дружины.— Стрешневу можно будет поставить первым вопросом. Нет, лучше последним, а то, пожалуй, из-за неё сорвётся весь план».

Ирина Леонидовна ни за что не созналась бы даже самой себе, что она чуть-чуть рада тому, что произошло с Зиной. Не потому, что ей не нравилась Зина и что она хотела ей зла, нет. Но этот случай даёт ей возможность показать свою высокую принципиальность, свою активность, как старшей вожатой, которая строго следит за воспитанием своих пионеров. Можно будет и о Тамаре Белокуровой сказать — так вот, принципиально, должен поступать пионер. Это будет наука и другим, которые вздумают тайком сбежать в церковь. Можно также поговорить и о лицемерии, когда на словах говорится одно, а на деле делается другое, и привести в пример Зину... Вообще этот совет дружины можно сделать очень содержательным и интересным...

Неожиданно в пионерскую комнату вошла Марья Васильевна. Ирина Леонидовна вскочила:

— Как хорошо! А я только сейчас хотела рассказать вам, что я решила сделать!

— Вот и я, голубчик, услышала, что вы тут что-то решили. Может, вы сразу мне и расскажете? — ответила Марья Васильевна, грузно усаживаясь за узкий, покрытый кумачом стол.

Ирина Леонидовна начала рассказывать о том, что будет у неё на совете дружины, который она соберёт завтра или послезавтра. Глаза её сверкали, пухлые щёки горели румянцем — с таким увлечением она рассказывала.

Марья Васильевна слушала опустив глаза.

— Вы советовались с Еленой Петровной? — спросила она.

Да, Ирина Леонидовна советовалась, Елена Петровна с ней не согласилась. Она сказала, что ни в коем случае нельзя это выносить на совет дружины и даже на совет отряда нельзя. Однако Ирина Леонидовна считает, что это будет неприципиально. Это такой случай: пионерка — и вдруг в церкви!

И вот когда Ирина Леонидовна, закончив свою речь, подняла взгляд от своей записки, то увидела, что Марья Васильевна стара и больна, что лицо у неё жёлтое, что губы сложены устало и печально. Но всё это пропало, как только Марья Васильевна подняла свои лучистые глаза.

— Дружок мой, всё это очень интересно, — сказала она, словно глядя сквозь свои большие очки прямо в душу молодой вожатой, — но вы забыли об одном...

— О чём? — Ирина Леонидовна живо приготовилась записать то, что скажет Марья Васильевна.

— О человеке. О Зине Стрешневой, — сказала Марья Васильевна. — О ней-то вы, дитя моё, совсем не подумали!

— А ей будет наука, Марья Васильевна, — возразила вожатая, — надо же воспитывать!

— Да, надо... Но вот, знаете, — одно деревце гнётся, а другое ломается. Боюсь, что это деревце вы как раз сломаете. Этого же боится и Елена Петровна. А Елену Петровну следовало бы послушать — она своих учеников знает очень хорошо.

Ирина Леонидовна растерялась и огорчилась:

— Но это и другим было бы полезно...

— «Другим полезно»! — Марья Васильевна покачала головой. — Разве для пользы тех, других, необходимо быть беспощадным к этим? А что переживает Стрешнева — разве неважно? А ведь она получит глубокую травму, уверяю вас.

Ирина Леонидовна нервно постукивала карандашом. Думала и хмурилась.

— Подумайте, подумайте об этом хорошенько, дитя моё, — сказала, вставая, Марья Васильевна. — За эти два дня можно многое передумать и перерешить...

Но думать два дня Ирине Леонидовне не пришлось. Прозвенел последний звонок, и почти тут же, не успела Марья Васильевна ещё уйти, в коридоре послышался топот бегущих ног и в дверь то-ропливо застучали. Ирина Леонидовна крикнула:

— Войдите!

В комнату не вошли, а ворвались девочки из шестого — маленькая Ляля Капустина и курносая, красная от возмущения Аня Веткина.

— Ой, ой! Ирина Леонидовна...

Увидев Марью Васильевну, девочки осеклись, замолкли.

— Что случилось, дети? — спросила Марья Васильевна.

— Ой! Там у нас Фатьма Рахимова Тамару отколотила! — сообщила Аня.

— Ага! Тамару отколотила! — подтвердила и Ляля.

Ирина Леонидовна вскочила:

— Я иду! Девочки, бегите вперёд! Пусть весь отряд останется, погодите расходиться...

Каблучки Ирины Леонидовны мелко застучали по коридору. Она бы и сама побежала бегом, но для старшей вожатой это было несолидно.

Вслед за нею поспешила и Марья Васильевна, широко и грузно ступая по натёртому паркету...

Зина стояла бледная, встревоженная. Она оглядывалась то на одну, то на другую свою подругу и чем-то очень напоминала птицу, только что пойманную и посаженную в клетку. Лица её однокашников казались ей чужими. Она не знала, что они сейчас думают и что будут говорить о ней. Она знала только, что думает и что будет говорить Фатьма. Но Фатьма и сама сейчас очень провинилась: она обругала Тамару крысой и два раза ударила по спине, да так крепко ударила, что Тамара отлетела к доске и чуть не опрокинула доску. Фатьма сидела красная, злая, как петух, который только что подрался и готов подраться опять, если его затронут.

У Тамары был вид человека, очень оскорблённого. На ресницах блеснули слёзы, но их было так мало, что Тамара не спешила их вытирать, — пусть же все видят, как её обидели!

Ребята волновались, переговаривались. Вожаком звена Оле Сизовой с трудом удалось их утихомирить. И несмотря на то что здесь была Ирина Леонидовна, а вскоре и сама Марья Васильевна вошла в класс, всё-таки то в одном, то в другом углу вспыхивали шёпот и споры.

Маша Репкина подняла руку. Зина тотчас устремила на неё глаза, будто сейчас вся её жизнь зависела от того, что скажет Маша Репкина.

— Фатьма говорит, что Зина пошла в церковь потому, что ей бабушка велела, — сказала Маша. — Но Зина всё равно не должна была ходить. Я предлагаю её вывести из совета отряда.

Потом встал Саша Агатов. И Зина так же внимательно, не дрогнув ресницами стала глядеть на него, как только что глядела на Машу, будто хотела и не могла понять, как это случилось, что близкие друзья стали сегодня её судьями.

— Нет, товарищи! — В голосе Саши слыша-

лись и горечь и обида. — Вывести из совета отряда мало. Что вывести надо, то тут даже и спорить нечего. Пионер, который ведёт себя в жизни не так, как полагается настоящему пионеру, недостоин носить такое почётное звание. Но я считаю, что надо серьёзно отнестись к этому. Стрешнева опорочила звание пионера. Что она делает, когда идёт в церковь? Она поддерживает церковь, поддерживает суеверия, поддерживает то, против чего мы боремся. Так почему же она должна носить звание пионера, почему она должна носить на груди красный галстук, частицу великого знамени нашей Коммунистической партии?

Общий вздох прошёл по классу. Все снова заспорили, зашумели. Шура Зыбина вдруг утратила своё всегдашнее спокойствие.

— Девочки, это неправильно! — взволнованно заговорила она. — Зина — хорошая ученица... хорошая пионерка...

— Вот так хорошая пионерка — в церковь ходит! — крикнула с места Ляля Капустина.

— А вот и да! А вот и всё-таки хорошая пионерка!.. — повторила Шура Зыбина.

И девочки в первый раз увидели, что всегда спокойные и ясные глаза её вдруг сердито засверкали.

— А вы... а вам... лишь бы назло!.. Не к чему придраться, а вы придираетесь!..

Шура не могла больше говорить, и речь получилась отрывистой и необидительной.

— И чего налетели? — сказал Вася Горшков. — Ну, ошибся человек. Ну, не выдержал. Выговор дать — и всё. А уж вы — будто она враг какой! Уж и галстук снимать — больно чересчур принципиальные!

— Да, мы принципиальные! — подтвердил Саша. — А как же иначе?

— Из-за принципа человека не видите! — закричал Горшков.

Но вожатая велела ему замолчать.

— Надо, пожалуй, и на Горшкова обратить внимание,— сказал Саша.— Вижу, и тут не очень-то тверды пионерские позиции!

— Ещё чего! — огрызнулся Горшков.— Давай всех выгоняй из отряда!

Наконец заговорила Тамара.

— Товарищи...— начала она слабым голосом, каким и подобает говорить человеку избитому и оскорблённому,— товарищи, что это у нас за отряд? Ты же поступаешь честно: видишь, что пионерка нарушает... просто позорит отряд — идёт в церковь с куличом,— и ты приходишь и говоришь кому следует. А тебя за это бьют!.. Да ещё крысой обзывают...

— Конечно, крыса! — вдруг крикнула Фатма.

На Фатму зашикали. Марья Васильевна, сидевшая за столом, укоризненно покачала головой.

— А за это,— голос Тамары сразу окреп,— я считаю — перед лицом всего класса говорю это,— надо исключить из отряда Стрешневу и Рахимову. Нам таких пионеров не надо!

Отряд зашумел. Кто-то кричал: «Это тебя надо исключить!» Кто-то требовал слова, кто-то объяснял, что тогда надо и других исключать, потому что ели и куличи и пасхи, а значит, тоже справляли христианский праздник.

— Дайте мне слово,— попросила Оля Сизова.— Зачем же сразу исключать? По-моему, неправильно!..

— Неправильно!.. Неправильно!..— послышались отдельные голоса.

— Товарищи, надо организованно,— предложила Ирина Леонидовна.— Только давайте решать справедливо. Иногда дружеская привязанность мешает нам отнестись к решению объективно, но у нас в отряде этого не должно быть. Ставлю на голосование: оставить Стрешневу в пионерском

отряде или исключить? Кто за то, чтобы исключить, прошу поднять руку. Впрочем, давайте сначала решим: ставить ли вопрос о Зине Стрешневой на совете отряда или на совете дружины?..

— Да полно вам! — остановила её Марья Васильевна.— Что так пышно? Поговорить о ней и здесь можно — вполне этого достаточно.

Ирина Леонидовна, вся красная от волнения, от желания быть последовательной и от некоторой растерянности, всё-таки решила не соглашаться с Марьей Васильевной. Ей казалось, что, уступив директору, она тем самым поступится своими принципами.

— Всё равно где: здесь или на совете дружины, а я должна сказать своё мнение! — веско сказала Ирина Леонидовна.— Я не мыслю себе такого отношения к своим пионерским обязанностям, к своей пионерской совести, такого непринципиального поведения человека, который носит красный пионерский галстук. Я считаю, что таких пионеров в отряде оставлять нельзя — красный галстук носить они недостойны!

Марья Васильевна протестующе обернулась к Ирине Леонидовне.

— Исключить! — тут же крикнула Тамара и подняла руку.

Зина, увидев, как поднялась рука в белом кружевном манжетике, встала и вышла к столу. Она решила, что всё кончено. Если бы она оглянулась на класс, она бы увидела, что вслед за Тамарой поднялось всего две или три руки. Но она не оглянулась. Почти никого не видя, она подошла к столу, машинально развязала свой галстук, сняла его и положила на стол. И, глядя прямо перед собой пустыми глазами, повернулась и пошла из класса.

— Да что же это такое? — Марья Васильевна легонько хлопнула ладонью по столу.— Да что тут происходит?.. Зина, вернись сейчас же!

Зина нерешительно остановилась и, не зная, как ей поступить, отошла в сторону, к доске.

Ирина Леонидовна растерялась. Она только стучала карандашом по столу, но что дальше делать, не знала. Таких случаев в её жизни ещё не было.

Марья Васильевна встала. На лице её выступили красные пятна, но голос, когда она заговорила, звучал, как всегда, твёрдо и спокойно:

— Какое поспешное, какое необдуманное заключение! Я понимаю — молодость всегда принципиальна. И мы должны быть принципиальными. Но, товарищи, если одна какая-то веточка повреждена, то неужели надо рубить сразу всё дерево? Неужели если человек, если наш друг и товарищ ошибся или смалодушничал, то мы тут же должны отречься от него?.. Вы ещё молоды, вы ещё дети, и разве все вы застрахованы от ошибок? И разве...

Марья Васильевна должна была прервать свою речь, потому что вдруг открылась дверь и в класс вошла Елена Петровна. Возгласы радостного удивления раздались со всех сторон.

Зина на мгновение подняла глаза, но, увидев Елену Петровну, побледнела и ещё ниже опустила голову.

Елена Петровна, немного похудевшая, с тёплым шарфом на плечах, тревожно огляделась, машинально и как-то беззвучно поздоровалась. Увидев Зину, стоявшую среди класса, увидев, что её пионерский галстук лежит на столе, Елена Петровна выпрямилась, острая морщинка тотчас прорезалась между её бровями.

— Марья Васильевна... что это такое?

Марья Васильевна улыбнулась и укоризненно покачала головой:

— А это что же такое, а? Кто это вас звал сюда, а? С больничной-то постели!

— Это неважно. Это совсем неважно,— ответи-

ла Елена Петровна,— всё равно мне уже пора... Но я слышала сегодня такой разговор, Марья Васильевна, и теперь вот...— Она указала на Зину Стрешневу и на её положенный на стол галстук.— Ну что всё это значит, объясните мне, пожалуйста! Я просто как во сне...

— Идите сюда, друг мой,— мягко позвала её Марья Васильевна.— За то, что пришли раньше времени, я вас потом побраню. А правду сказать, очень хорошо, что вы пришли. У нас тут молодёжь шибко набедокурила! Идите-ка, идите сюда, классная руководительница! Идите, поговорите со своим классом! — И она тихонько рассказала вкратце, что здесь произошло.

Елена Петровна подошла к столу и встала рядом с Ириной Леонидовной и Олей Сизовой, которая во время этого бурного совещания совсем ступевалась.

— Что вы делаете, товарищи? — начала Елена Петровна.— Что это вы делаете? Я много лет знаю Зину Стрешневу, я знаю её с первого класса, она пришла ко мне вот такой крошкой... И на протяжении всех школьных лет я видела, как растёт этот человек, как он ведёт себя в жизни,— так же, как видела всех вас. Я была с вами — и с ней тоже — в те дни, когда вы готовились вступить в пионерский отряд. И в тот день я была с вами, когда вы давали торжественное обещание. И я, и вы — мы все знаем нашу Зину Стрешневу. И теперь я вас спрашиваю: была Зина плохим товарищем?

— Нет!.. Не была!..— вразнобой ответил класс.— Она хороший товарищ. Она всегда заниматься помогала, кто отставал!

— И была ли она плохой пионеркой? Может, она несерьёзно, или нечестно, или пренебрежительно относилась к своим пионерским обязанностям, к поручениям, которые давал ей отряд? Оля Сизова, ответь ты на это — ты вожатая звена.

Оля Сизова встала:

— Зина всегда выполняла поручения... И никогда не спорила. Всегда хорошо выполняла. Она была очень хорошей пионеркой!

— Может, она обманывала учителей?

При этих словах Тамара Белокурова покраснела и опустила глаза.

— Может, она бросала друга в беде? Может, она когда-нибудь лицемерила?

— Нет!.. Нет!.. Нет!..— кричали в ответ на слова Елены Петровны.— Она мне помогала, когда я была больная!.. И мне тоже!.. Она никогда не обманывала!..

— А вот теперь я и хочу спросить Сашу: как же ты, Саша, председатель совета отряда, так легко, не задумываясь, предложил исключить из отряда хорошую пионерку только за то, что она ошиблась?

— Я думал...— хмуро ответил Саша,— я весь день думал... И я думал: раз не по-пионерски поступает, то зачем же ей быть в отряде? И... я... мне было очень обидно... Я ей больше всех верил... А она!..

Саша замолчал.

— Конечно, это обидно,— согласилась Елена Петровна,— только надо помнить и крепко держать себя и смотреть, чтобы личная твоя обида не решила судьбу товарища. А ты, Саша, это проглядел. Ну, это поправимо. Ты хоть и очень ошибся, всё-таки останешься лучшим товарищем Зины. Это я знаю. Но вот хотелось бы мне поговорить сейчас о другой пионерке.

Все обернулись и поглядели на Фатьму.

— Хотелось бы мне поговорить о Тамаре Белокуровой.

Тогда все глаза обратились на Тамару. У Ирины Леонидовны удивлённо и недоумевающе поднялись брови. А она-то как раз хотела приве-

сти Тамару как пример высокой принципиальности!

— Вот ты, Тамара...— Елена Петровна стояла прямо перед Тамарой и глядела ей в лицо. (Тамара хотела бы отвернуться, но некуда было, и она принялась внимательно разглядывать царапинку на парте.) — Вот ты, Тамара, увидела Зину с куличом. А почему же ты не побежала за ней, не остановила её, не поговорила с ней? Почему же тебе так нужно было, чтобы об этом непременно узнала вся школа? Разве не довольно было бы поговорить со своим вожатым отряда? Но нет, тебе непременно нужно было прежде всего бежать к старшей вожатой, устраивать вот такое судилище! Поступают так настоящие друзья? Нет, не поступают. И вот я знаю, что ты обещала Зине дружбу на всю жизнь, ты обещала не покидать друга в беде. А когда у Зины случилась беда, где ты была в то время? Почему тебя не было в то время? Почему тебя не было с нею в те дни, когда твоему другу необходима была твоя помощь? Поступают так настоящие друзья? Нет, не поступают. И совсем недавно слышала я такую речь. Ты, Тамара, держала конец своего пионерского галстука и говорила: «Если я окажусь плохим другом, снимите с меня его!» Так вот, должна тебе сказать, Тамара, что ты оказалась плохим другом. И если придавать значение твоим громким словам, то надо бы сейчас этот галстук с тебя снять! Потому что, когда твой друг ошибся, ты не сумела вовремя остановить его и первая подняла против него руку!

Сдержанный гул прошёл по классу.

Тамара сидела красная, не поднимая головы. Ей уже казалось, что к ней сейчас подойдут и снимут галстук. Однако её испугало не то, как она вдруг останется вне пионерского отряда, это ей сейчас пока в голову не приходило, а то, как это на глазах у всех с неё снимут галстук и все будут

глядеть, шептаться... может быть, насмешничать...

Но никто не подходил к Тамаре и не снимал с неё галстука. И как только внимание было отвлечено от неё, ока, искоса поглядывая по сторонам, снова подняла голову и, спокойная, только слегка более румяная, чем всегда, сидела так, будто ничего особенного не произошло и ничего плохого о ней не было сказано. Зина, которая понемножку пришла в себя, поглядела на неё в ту минуту и была поражена: Тамара сейчас как две капли воды была похожа на свою мать — та же осанка, тот же уверенный, чуть снисходительный взгляд, то же спокойствие.

Зина отвернулась. Видно, Зина всё-таки была плохой пионеркой. Хотя сто раз повтори ей, что пионеры должны дружить и крепко стоять друг за друга, — с пионеркой Тамарой Белокуровой она больше дружить не могла.

— Я не хочу сказать, что Зина совсем не виновата, — говорила между тем Елена Петровна. — Конечно, мы знаем, Зина, это сделала не потому, что она верует в бога, не потому, что действительно считала нужным нести в церковь кулич. Она сделала это потому, что так велела бабушка. Старших надо слушаться. Это так. Но нельзя забывать и о том, что вы пионеры, что вы носите красный галстук на груди. Вступая в отряд, что вы торжественно обещали перед лицом своих товарищей? Верно служить делу Ленина, делу партии. Подумайте, какое высокое, какое большое обещание вы дали! Можете ли вы нарушить это обещание? Нет, не можете. Ни на один шаг вы не можете отступить от своих пионерских принципов. И если уж пришлось так — если старшие говорят противное этим принципам, выбирать не приходится. Трудно противостоять иногда, но что ж делать, надо противостоять. Павлику Морозову было нелегко идти про-

тив своего отца, но он не уступил, не сдался. Умер, но пионерской совести своей не уронил...

Елена Петровна умолкла. Наступила тишина. Но никто этой тишины не прервал.

— Иногда кое-кто из пионеров считает: «Ну, а что из того, что я сбегаю в церковь? — снова начала Елена Петровна. — Я же не молиться. Я же в бога не верую». И не понимает такой пионер, что он уже против своих пионерских принципов чем-то поступился. Сегодня этим поступился — сбежал в церковь, завтра чем-нибудь другим поступился — обманул родителей или учителя, не пошёл в школу, потому что не хотелось приготовить урок... А послезавтра ещё какой-нибудь как будто пустяк... А принципиальности-то пионерской уже и нет у человека. Сегодня он поступился в мелочах, завтра поступится в серьёзном. Как же верить такому пионеру? Всё, что я говорю, относится и к тебе, Зина. И дело вовсе не в том, увидели тебя или не увидели. Каждый из нас сам себя должен видеть всегда и во всём и никогда не поступать так, чтобы приходилось от других прятаться.

Зина поникла головой. В классе стояла тишина. Ирина Леонидовна что-то торопливо записывала. Всё это было уроком и ей, старшей вожатой: он заставил её над многим призадуматься.

— А мы тоже хороши, — продолжала Елена Петровна. — У Зины такое большое горе — умерла мама. А мы посочувствовали, походили к Зине да и забыли. А как там сложилась жизнь? Нам и узнать некогда было! И мне в том числе. Собиралась пойти к Зине — и не сходила. Ну что ж — бабушка дома, значит, всё хорошо. А вот, оказалось, не всё хорошо. И вместо того чтобы помочь, чтобы поддержать друга, когда он оступился, мы не нашли ничего лучшего, как устроить целый суд... Зина! — Елена Петровна обернулась к Зине и протянула к ней руку, подзывая её. — Подойди

сюда и возьми свой галстук. Он твой. И мы, друзья, не должны, не имеем права снимать его — мы не меньше виноваты, чем Зина!

— Да-да! Надень галстук! — подтвердила Ирина Леонидовна.

Зина, поглядев Елене Петровне в глаза, подошла к столу, взяла галстук и снова надела его.

И вдруг весь отряд разбушевался.

— Зина, иди к нам! — кричали со всех сторон. — Иди к нам, садись!.. Иди к нам!

Зина, словно придя в себя, слабо улыбнулась. И, неизвестно откуда взявшись, отчётливо зазвенели в её памяти строчки писателя Гайдара:

«...И в сорок рядов встали солдаты, защищая штыками тело барабанщика, который пошатнулся и упал на землю...»

Это она, пионерка Зина Стрешнева, пошатнулась и упала на землю. Но встали за неё товарищи в сорок рядов! И, потеплевшими, просветлёнными глазами окинув ребят, которые всё ещё хлопали в ладоши и не могли уняться, она вернулась на своё место и села по-прежнему рядом с Фатьмой, со своим верным другом.

Марья Васильевна улыбалась уголками рта, глаза её лучились на помолодевшем лице. Она молча незаметно кивала головой: всё произошло так, как должно было произойти. А Ирина Леонидовна, когда девочки захлопали в ладоши, вдруг забыла, что она старшая вожатая, и захлопала вместе с ними. Она была искренне рада, что всё так обернулось и что ей не надо делать то трудное сердцу дело, которое она считала себя обязанной сделать, — вывести Зину на суд совета дружины.

А придя домой, записала в свою книжечку слова Марьи Васильевны: «Руководя людьми, надо поглубже заглядывать в их душу и прежде всего помнить, что каждый из них — живой человек...»

Л. Воронкова

ЕРЕТИК

Бабушка Пракса была Валькиной соседкой. Ему она давно уже стала казаться одной из привычных принадлежностей квартиры, но всё равно Валька побаивался её. Очень уж сурово и подозрительно смотрела бабушка Пракса из-под своего надвинутого на лоб платка.

В комнату к себе бабушка вообще никого не пускала, но один раз, когда Валька собирал для школы старые газеты и журналы, она вдруг сказала:

— Ты бы, милоч, и ко мне зашёл. Я тут давно кой-что повикинуть собираюсь.

Так впервые в жизни — а прожил он в этой квартире ровно одиннадцать лет — Валька вошёл в комнату бабушки Праксы.

Удивительная это была комната! Валька жил в большом светлом доме. Его мама всегда чисто мыла окна и широко раздвигала занавески, чтобы открыть дорогу солнцу. А у бабушки Праксы в комнате с утра стоял вечер.

И это не только потому, что бабушке, наверно, трудно было протирать стёкла. Стёкол Валька вообще не увидел: они были затянуты марлей, наглухо загорожены цветочными горшками, стоявшими один на одном, а цветы в горшках отчего-то показались Вальке печальными-печальными.

Мебели у бабушки Праксы было так много, что её хватило бы на целую квартиру. Может, верно говорили во дворе ребята, что раньше, давным-давно, бабушка Пракса была хозяйкой большого дома. Но теперь из-за этой мебели комната её казалась поделённой на закоулочки. А на стенах и особенно в одном углу висело много почерневших старинных портретов — Валька догадался, что это иконы, изображения бога и разных святых. Он такие видел в деревне.

Но что изумило Вальку, так это пузырьки! Мутные, запылённые, они теснились на подоконнике. Наверное, по этим пузырькам можно было узнать про все бабушкины болезни за многие годы.

— Бабушка,— сказал Валька,— их все, что ли, повыкидывать?

Бабушка Пракса вздохнула, погремела пузырьками, для чего-то поглядела сквозь один из них на просвет и сказала:

— Ладно, я уж лучше сама как-нибудь... Вон там пакеты лежат на полке. Возьми... немножко.

Валька поглядел на груды измятых бумажных пакетов, тоже, видно, скопившихся за долгое время, и спросил неуверенно:

— А сколько можно взять?

— Ну сколько тебе совесть позволит? С десятка, пожалуй, возьми.

Совесть позволила бы Вальке забрать все. Ведь это какая гора бумаги! Но он только вздохнул и честно отобрал десять самых больших и самых рваных пакетов. Потом Валька невольно обшарил взглядом комнату и заметил на кресле большую растрёпанную книгу. Он вытянул шею, чтобы разглядеть получше обложку, но бабушка Пракса вдруг рассердилась:

— Чего во все стороны вылупаешься? А книгу эту лучше почитать приходи. Она в самый раз для таких писана, для малолеток.

Бабушка бережно взяла книгу с кресла, протёрла фартуком и положила на стол.

Спустя месяц, в каникулы, Валька вспомнил об этом приглашении и постучался в комнату бабушки Праксы.

Нельзя сказать, что ему совсем нечего было читать, но свои книги он давно уже помнил наизусть, а со школьным библиотекарем — Ниной Васильевной — у него были сложные отношения. Нина Васильевна, замечая, с какой быстротой Валька возвращает книги, всякий раз устраивала ему настоящий экзамен и каждую новую книгу вручала со словами:

— Главное, читай вдумчиво, неторопливо, не будь верхоглядом.

Помня этот совет, Валька теперь нарочно держал два-три лишних дня прочитанную уже книгу. В один из таких мучительных дней он и постучался к бабушке Праксе.

— Красавчик мой,— умилилась бабушка Пракса,— за книжечкой пришёл, не забыл, душа голубиная. Садись читай, узнавай истину...

Валька понял, что читать эту книгу можно лишь не выходя из комнаты, и послушно устроился в круглом, покрытом старой клетчатой шалью кресле, которое со стоном и побряхтываньем сразу осело под ним.

Книга была совсем старинной. Её порыжевшие листочки обтрепались и рассыпались. На оторванной блестящей обложке босой человек, подняв руку, деловито шагал куда-то по облакам, похожим на клочья взбитого белка.

— В моё время святые книги от детей не прятали,— бормотала бабушка Пракса.— В моё время по им в школе, в гимназии учили...

Вальке недосуг было выяснять, что такое «свое» и «чужое» время и отчего живой человек может думать, будто он живёт не в своём времени. Валька торопливо и жадно разглядывал картинки, перелистывал потрёпанные страницы.

Книга читалась, как любопытная и не совсем понятная сказка. Прошёл, может, час, а может, и больше, и что-то стало тревожить Вальку в этой сказке. Бабушка Пракса, осторожно звякая ложками, мыла в миске посуду.

— Бабушка,— растерянно сказал Валька,— а этот, как его... которого братья в рабство продали...

— Пресвятой Иосиф,— с умилением подсказала бабушка и осторожно утёрла губы уголочком платка, точно сладкого попробовала.

— Ну да, Иосиф,— повторил Валька.— Он же просто ябеда был. И вредина.

— погоди, ты что это мелешь? — всполошилась бабушка.— Ты откуда такое взял?

— Да отсюда же,— сказал Валька.— Из книжки этой. Братья, значит, работали, скот пасли, отцу помогали. А он у отца любимчик был. За ябедничество. Они рваные ходили, а ему отец за ябедничество красивое платье купил. Он и давай хвалиться. Так кто хошь разозлится!..

— Не рассуждай! — строго перебила бабушка.— Не умствуй! Тут всё на веру надо принимать.

— Так что же? — спросил Валька чуть не плача.— Выходит, значит, он хороший был?

— Хороший,— твёрдо ответила бабушка Прак-

са и перекрестилась.— Святой жизни человек.

— Да какой же он, бабушка, хороший...— плачущим голосом стал доказывать Валька.— Братья потом голодные были, пришли в тот город, где он помощником царя стал. Они поскорей еды купили и обратно пошли, дома-то ведь тоже все с голоду умирают. А он им разные вещи подложил, будто они воры. Сам подложил и сам за ними слуг вдогонку послал. Хорошо, да? Хорошо?

— Не умствуй! — ещё строже повторила бабушка.— На веру, говорю, принимай.

Но Валька никак не мог принять на веру, что ябедничать — это хорошо, что можно обижать человека, которому и без того трудно. У него уже давно, ещё с детского сада, сложились определённые взгляды на вещи, и эти взгляды он решительно отстаивал:

— А отец его, Иаков этот, он смолоду тоже не лучше был. Старший брат — Исав — пришёл с работы, устал, голодный, а он чечевичную похлёбку ест. Брат попросил — устал же! — а он говорит: «Дам, если мне уступишь, чтобы я во всём старшим был, во всём над тобой командовал». Родного брата накормить пожалел...

— Ах ты... Ну гляди, в старые времена,— пригрозила бабушка Пракса,— тебя живого бы на костре сожгли!

— А за что? — испугался Валька.— Чего я делаю?

— За речи твои, еретик окаянный, за поганый твой язык, прости моё прегрешение...

— Я б не дался,— сказал Валька.

— Руки-ноги верёвками скрутят — дашься, никуда не денешься.

— Права не имеют! — уверенно заявил Валька, и на душе у него стало очень хорошо оттого, что никто не имеет права скрутить ему руки и ноги, запретить думать и говорить. Но тут же он почув-

ствовал, что, будь перед ним сейчас пылающий костёр и палачи в чёрных рясах, которые жгли когда-то за смелые слова и мысли хороших людей, он всё равно бы не струсил, а доказывал свою правду и, если бы понадобилось, вступил в самый настоящий бой, как те ребята-герои, чьи портреты висят у них в школе. Он вовсе не подшучивал над бабушкой Праксой, но искренне удивлялся, почему она не понимает таких простых вещей.

— Вот у нас в классе один Игоряшка учится,— сказал он.— Его все ребята Игоряшка-ябеда зовут. А он, выходит, Игоряшка-святой, да?

Но бабушка, отняв книгу, уже выталкивала Вальку за дверь.

— Ступай, ступай, больно все грамотные стали! Ступай, еретик окаянный! Господи, и меня, старуху, в грех ввёл, браниться заставил...

Сбегая по лестнице со второго этажа, Валька вспомнил, как их сосед по двору, Павел Иванович, рассердившись однажды на бабушку Праксу, сказал ей, что, сколько бы она ни молилась, ей всё равно до конца жизни не замолишь своих грехов. И Вальке стало совестно, что из-за него у бабушки прибавился ещё один грех...

В этот вечер Валька долго не мог уснуть. Он ворочался с боку на бок и всё думал о людях, которых считают святыми, только если не размышляют над их делами. Но отчего даже не позволяют размышлять? И кто же обязан принимать на веру, что плохое — это хорошее? Разве мало на свете по-настоящему хороших людей, хороших дел, больших, настоящих подвигов?

Он ворочался в постели и задавал самому себе вопросы, за которые его когда-то очень даже легко могли сжечь на костре, как сжигали тех смельчаков, кого за смелые слова и мысли церковь называла еретиками.

Ольга Романченко

ДА ПОМОЖЕТ ЧЕЛОВЕК

Была тёплая солнечная осень. Карпаты стояли в белёсой дымке. Мой мотоцикл, тарахтя мотором, летел навстречу этой дымке. Ветер рвал полы куртки, но я всё выжимал газ и выжимал.

Я ехал проведать тётку Магду. Хотелось узнать что-нибудь новое о Василе. Вот уже три месяца он служил в армии.

У поворота на горную дорогу стоял человек. Он, видно, ждал автобуса.

Я затормозил и крикнул:

— Товарищ, прошу! Подвезу до села.

Человек оглянулся, и я узнал Фёдора Мотрюка. Он был всё такой же: длинное худое лицо с острым подбородком и жёлтые злые глаза.

— Ну, как поживают братья-иеговисты? — спросил я. — Не пришёл к ним их боженька?

Мотрюк приоткрыл рот, но ничего не ответил. Он был как зверь и если бы мог, то бросился бы в драку. А я поехал дальше. Ехал и вспоминал историю, которая произошла много лет назад в селе Пильники.

Я тогда работал инструктором райкома комсомола. В Закарпатье я попал во время войны. Был тут ранен, отлежался в госпитале, а когда поправился, меня демобилизовали. И остался я в Закарпатье.

Было много работы по организации школ. Раньше тут во многих сёлах дети вообще не учились. Особенно в горах. Бедно жили. Боролись мы и с религиозными предрассудками. Особенно мешала нам братья-иеговисты.

Как-то в селе Пильники принимали ребят в пионеры. Ребята стояли в школьном зале, человек десять. Сюда же пришли взрослые.

— Детей иеговистов нет, — сказал директор школы. — Один Василь, сын тётки Магды. Мотрюк, говорят, угрожал, что если кто-нибудь из детей иеговистов вступит в пионеры, то Иегова потребует жертвы.

— Какой это Василь? — спросил я.

— Вон тот, крайний справа.

У Василя было худенькое лицо, чёрные волосы и большие печальные глаза. Все ребята были в светлых костюмах, а он один в тёмной рубашке.

После торжественной пионерской линейки ребята показали самодеятельный концерт, а потом должен был начаться кинофильм. Я стоял в передней и курил. И вдруг вижу: Василь пошёл к выходу.

— Василь! — окликнул я его. — А ты разве не останешься?

Василь метнул на меня испуганный взгляд и сказал:

— Ни...

— Почему? Видно, тебя дома дожидаются малые детки?

— Ни.— Он чуть улыбнулся и снова метнул на меня осторожный взгляд.

— А можно к тебе зайти в гости? С кем ты живёшь?

— С мамкой.— Василь помолчал.— Зайдёмте, коли хотите.

Мы вышли из школы и зашагали к дому Василя. Шли молча. Чувствовалось, что Василь волнуется и что-то хочет сказать. Я остановился, чтобы прикурить. Свет от зажжённой спички падал на мальчика.

И он решился.

— Не ходите к нам,— сказал он.— Моя мамка иеговистка.

— И ты тоже иеговист?

— Да,— тихо ответил Василь.

— А зачем ты вступил в пионеры?

— Я хотел, как все. Пионеры сборы устраивают, колхозникам помогают. В город в театр ездили.

— Ты думаешь,— спросил я,— твоя мамка меня в свою веру перетянет?

Василь промолчал. И мы снова пошли вперёд.

Я хотел познакомиться с матерью Василя и узнать, кто же такие иеговисты, но у меня ничего не получалось. Мотрюк — главарь иеговистов — крепко держал их в руках. А тут я твёрдо решил поговорить с матерью Василя. «Раз Василь решил вступить в пионеры, значит, его мать посознательнее других», — думал я.

— Здесь,— сказал Василь и остановился. Было видно, что он боится.

— Не бойся, Василь,— сказал я.— Не пропадём!

Он открыл дверь в комнату, и неяркий свет лампы упал на мальчика. Иеговисты не пользо-

вались электрическим светом. За столом сидела женщина, платок у неё был повязан так низко, что закрывал лоб. Она посмотрела на Василя и вдруг вскрикнула, бросилась навстречу сыну, упала перед ним на колени и что-то быстро заговорила. Она показывала на галстук, но каждый раз отдёргивала руку — боялась до него дотронуться.

Я вышел из темноты и сказал:

— Добрый день, тётка Магда. Принимай гостей.

Женщина испуганно взглянула на меня. Встала с колен, низко нагнула голову, чтобы я не мог рассмотреть её лицо, и ушла в тёмный угол. Ни слова я не вытянул у тётки Магды. Я говорил о Василе, о том, как он будет учиться, о том, какая новая хорошая начинается жизнь...

— А потом придёт расплата,— ответила тётка Магда.

Я снова начал говорить, но она молчала.

— Она не слушает. Она молится,— тихо сказал Василь.

— Проводи меня, Василь.

Мы вышли.

— Ну прощай, Василь.

Мальчик был уже без галстука.

— Ты мамку не боишься? — спросил я. Мне очень не хотелось, чтобы он снова возвращался в тёмную комнату.

— Ни. — Василь наклонил голову. — Она добрая.

Я приехал в Пильники через неделю. Зашёл к директору школы.

— Как Василь?

— Плохо. Четыре дня не ходил в школу, а сейчас не носит пионерский галстук. Стал ещё более замкнутым.

Я сел на мотоцикл и поехал к Василю. Издали увидал его во дворе. Он колол дрова.

— Добрый, день, Василь!

Он оглянулся, на какой-то миг его глаза загорелись, но тут же потухли.

— Добрый день. Мамки нет. Она ушла с Мотрюком в соседнее село.

— Да я не до мамки,— ответил я.— Як тебе. Хочу пригласить тебя в город. На футбол. За три часа управимся.

Василь недоверчиво посмотрел на меня. Для большей убедительности я сильно крутнул ручку мотоцикла.

— Ни,— сказал Василь.— Нам нельзя.

— Ну, смотри. А то ведь мы быстро.

Василь колебался. Ему, видно, очень хотелось поехать на футбол, но он боялся матери.

— Разве только до шоссе проехать?

— Давай,— обрадовался я.

Василь бросил топор, вскочил на заднее сиденье.

— Держись крепко!

— Добре! — Худенькие мальчишеские руки прошлись по моей спине и уцепились за поясной ремень.

Мотоцикл рванулся, и мы понеслись вперёд на самой большой скорости. Мне хотелось доставить Василию удовольствие.

Я испытывал к этому маленькому хлопчику какое-то нежное чувство. Ну вроде как младший братишка он мне.

— Ничего! — закричал я встречному ветру.— Мы тебя отвоюем!

Я вспомнил, как впервые пришёл на Карпаты. В бою меня ранило — оторвало миной три пальца на правой руке. «Отрывает пальцы, убивает людей,— подумал я про фашистов.— А всё равно вам конец». У меня такая появилась злость на фашистов, что я даже забыл про боль. И сейчас у меня появилась такая же злость. «Ничего! — думал я.— Всё равно вырву Василия! Василь будет человеком».

Мы выехали на шоссе, прокатили немного по гладкой асфальтовой дороге, и я повернул назад.

— Ну, будь здоров. Мамка твоя, по-моему, ещё не вернулась. Слушай, Василь, а где твой батька?

— У нас наводнение было. Сильное. Всё затопило. Батька утонул. А мамка с тех пор стала иеговисткой. Мотрюк сказал, что Иегова прислал батьке смерть.

Я погладил мальчика по голове.

— Ох, как у тебя волосы пропылились.

— Это ничего. У вас они тоже пропылились.

Я переночевал в Пильниках, а утром, когда уезжал, встретил Василя. Он шёл в школу в пионерском галстуке. Я помахал ему рукой. Какой-то старик почтительно раскланялся со мной — должно быть, решил, что я с ним поздоровался. А Василь рассмеялся и побежал в школу.

На другой день в райком позвонил директор Пильницкой школы и попросил меня срочно приехать.

— Что случилось? — спросил я.

— Иеговисты задумали недоброе. И Василя нет в школе.

Я проехал прямо к дому Василя. Вошёл и спросил тётку Магду:

— Где Василь?

Она посмотрела робко, и такая смертельная тоска была у неё в глазах, что мне стало жутко.

— Тётка Магда,— повторил я,— где Василь?

— Там.— Она кивнула на низенькую дверь.

Василь сидел ко мне спиной. Он был в длинной белой рубашке и босиком. Я дотронулся до его плеча. Он склонился на руки и зарыдал.

— Василь,— сказал я,— брось плакать. Лучше расскажи, что с тобой случилось?

— Они меня били за то, что я ношу галстук. Чтобы грех снять... Ремнями... Мотрюк. Я молчал, а мамка так плакала!

Я приподнял рубашку. Вся спина Василя была в кровавых шрамах.

— Мальчик мой, что же они с тобой сделали... Тётка Магда! — закричал я. — Тётка Магда, иди сюда!

— Не надо, — сказал Василь. — Мамку и так жалко, целыми днями плачет.

Я встал и пошёл к Мотрюку. Я ещё не знал, что сделаю с ним, ко злорадства поднялась во мне. Я побежал. Когда на меня стали оглядываться прохожие, я остановился, закурил и сказал сам себе: «Спокойно, Сашко, спокойно».

Мотрюка я нашёл в сарае. Он был высокий, узкоплечий, с тяжёлым взглядом желтоватых глаз.

— Зря ко мне пришли, уважаемый, я далёк от мирской суеты. — Он надел телогрейку, что-то пошептал себе под нос и направился к выходу, точно меня здесь и не было.

— Откуда у тебя дрова? — Я знал, что в леспромхозе не начинали осенние вырубki и дрова никому не продавали.

— Взял в лесу.

— Значит, украл?

— Нет, взял. Бог Иегова разрешил. Всё, что на земле, всё его. Он мне разрешил.

И вдруг я замахнулся на Мотрюка.

Он не закричал, а только сжался и сказал:

— Хочешь ударить? Не по закону. Я пожалею.

— Бить я тебя не собираюсь, не хочу связываться, — сказал я. — А за Василя будем тебя судить.

Он вздрогнул, опустил голову и, не оборачиваясь, ушёл...

В ту ночь лил дождь. Он пришёл с гор. Несколько дней до этого сельские старики уже с беспокойством поглядывали на Карпаты, которых почти не было видно из-за дождя. Река топорщилась, точно кто-то снизу приподнимал её воды. Старики сильно боялись наводнения.

Ночью никто не спал: вода могла пойти на деревню. С карпатскими реками так бывает. От сильной воды река неожиданно меняет русло.

Я сидел в правлении колхоза у телефона. Каждые полчаса звонил в райком и спрашивал о положении дел в других горных сёлах. И вдруг ворвался председатель колхоза и крикнул:

— Пошла!

Он заметался по комнате, хватая и запихивая в портфель какие-то бумаги.

— Спокойно! — сказал я. — Соберите всех жителей и ведите к шоссейной дороге.

Где-то совсем близко назойливо журчала вода. Я вышел на улицу. Светало. С разных сторон долетали людские крики, ревел скот. «Как отступление на фронте», — подумал я.

Рукав реки разделил село надвое и отрезал от остального села дома, которые были ближе к берегу. Он огибал эти дома кольцом и снова впадал в реку.

Рукав был неширокий, но сильный. Он легко катил камни величиной в два кулака.

Я вернулся в правление и попытался снова дозвониться в райком. Но сколько ни крутил ручку, сколько ни кричал в трубку, дозвониться не удалось. Я бросил трубку ненужного теперь телефона и вышел на улицу.

Рукав стал значительно шире.

Когда его переходили взрослые, вода поднималась им до колен. А детей переносили на руках. Коровы испуганно мычали, пятали глаза и не хотели идти в воду.

Один колхозник ударил заупрямившееся животное ремнём. Корова от боли рванулась в сторону, опрокинула повозку со скарбом. Поднялся переполох, люди ещё больше заторопились, и какой-то мальчик вошёл в реку, упал от напора воды и захлебнулся. Я выхватил мальчика из воды и сказал как можно спокойнее:

— Зря вы так перепугались. Времени у нас достаточно. А вам, мужики, просто стыдно!

Я посадил мальчика на плечо и вышел из воды. Идти было неудобно: дно было неровное, в камнях. Я перенёс мальчика и вернулся обратно. Подхватил сразу двух ребятшек и снова перешёл.

Потом стали перегонять колхозное стадо. Многих коров приходилось брать за рога и тащить в воду. Шум ручья мешал разговаривать, приходилось кричать.

Когда я переводил последнюю корову, вода поднялась мне уже до плеч, а на середине рукава даже перехлёстывала через плечи.

И тут только я заметил, что стало совсем светло. По улице, по направлению к шоссе, вытянулась длинная вереница людей, телег, скота. Детишек посадили в закрытый автобус. Было холодно.

— Выпей, а то заболеешь! — сказал мне председатель. В руках у него была бутылка с водкой.

Я взял у него бутылку и прямо из горлышка глотнул водки. Вернул ему бутылку и снова посмотрел на вереницу людей. «Как беженцы на войне, — ещё раз подумал я. — Только совсем не страшно. Все на месте, все невредимы». И тут я вспомнил, что не видел нигде Василя с тёткой Магдой.

— А тётку Магду с сыном не видел? — спросил я у председателя.

— Нет. — Он задумался. — Ни одного иеговиста не видел.

Стали спрашивать у всех и скоро узнали, что Мотрюк повёл иеговистов к реке. Там они остались молиться.

— А, чёрт! Придётся идти,— сказал я.— Погибнут. Мотрюку шею надо бы свернуть.

Председатель забеспокоился:

— Зачем идти? Они не пропадут.

Но вода прибывала, а Мотрюка не было.

— Я пошёл,— сказал я и посмотрел на серую воду.

Председателю стало неудобно, что я уйду один, и он сказал:

— Возьми мой пиджак и бутылку. Я пошёл бы с тобой, да надо за хозяйством присмотреть.

Я взял его пиджак, сунул бутылку водки в карман. А свой мокрый пиджак отдал ему. И пошёл в воду.

Теперь нельзя было идти — пришлось плыть. В одной руке я держал пиджак председателя.

Меня относило в сторону. Я вылез из воды, сбросил мокрую рубашку, надел прямо на голое тело пиджак и побежал. Мокрая кожа сапог больно тёрла ноги.

А вода всё прибывала и начала заливать пространство между рекой и её новым рукавом.

Потом я увидел группу людей — они стояли на маленьком пригорочке под большим разлапистым кедром.

Это были иеговисты. Они молились, чтобы Иегова пришёл на землю и принёс какое-то божественное счастье. «Глупость какая-то,— подумал я.— А они верят».

Василь стоял рядом с матерью.

— Мотрюк,— сказал я,— зачем ты привёл сюда людей? Хочешь, чтобы они погибли?

Все оглянулись на меня.

— Не мешай нам,— зло ответил Мотрюк.— Пришёл наш час.— Мотрюк показал на воду.—

Это Иегова прислал. Все погибнут, а мы будем жить! Уйди!

— Не уйду!

Мы с Мотрюком были одного роста. Он смотрел мне в глаза, и я видел каждую жилку в его жёлтых глазах, острый подбородок и белые губы.

«Неужели решится ударить? — подумал я.— Их много, а я один.— Я медленно повернулся к Мотрюку спиной.— Сейчас может ударить». Но Мотрюк не ударил — отошёл в сторону.

Мы стояли уже в воде. Несколько человек полезли на дерево.

«Пожалуй, на дереве можно будет переждать, пока нас отыщут,— подумал я.— Оно высокое».

— Василь,— позвал я,— лезем на дерево.

Скоро все иеговисты влезли на дерево. Последним лез Мотрюк. Он всё молился, а потом тоже полез.

Вокруг нас была вода.

— Мотрюк,— сказал я громко,— где же твой бог? Почему он не спасает вас?

— Это ты! — закричал Мотрюк.— Это ты принёс нам несчастье. Бог Иегова не может к нам прийти, пока ты среди нас. Мы погибнем из-за тебя. Братья! Бросим его в воду. Иегова простит нас!

Мотрюк стал подбираться ко мне, сверху на меня лез другой иеговист. Я мог бы броситься в воду, но не хотелось оставлять Василя. Я схватил мужика за ногу и дёрнул изо всей силы. Мужик пролетел мимо меня и упал в воду. Он тут же вынырнул и стал карабкаться обоатно на дерево.

— Бей его, бей!..— орал Мотрюк.

И на меня поползли сразу несколько человек.

— Прыгайте, прыгайте! — закричал Василь и сам прыгнул в реку.

А я следом за ним. Через две минуты дерево от нас было уже далеко, и людей, скрывшихся в его ветках, не было видно. Река быстро несла нас вперёд.

Чтобы легче было плыть, я сбросил в воде сапоги и пиджак. Потом нагнал Василя и сказал:

— Дыши глубже, не торопись.— Я боялся, как бы он не устал раньше времени.

Когда мы вылезли на берег, то несколько минут лежали неподвижно. Наконец я встал, вытащил из кармана водку, раздел Василя и начал его растирать. В это время со стороны шоссе донёсся какой-то новый гул. А вскоре рядом со мной стоял молодой лейтенант — командир подразделения амфибий.

Василь остался на берегу, а я натянул на себя непромокаемый костюм и сел с несколькими солдатами на амфибию сверху. Я повёл их к тому дереву, на котором сидели люди.

— Мамку спасите! — крикнул Василь.

Мы подплыли к дереву, и все, кто сидел на нём, торопливо попрыгали к нам. Я усадил рядом с собой тётку Магду. Мы сидели плечом к плечу, и я чувствовал, как она дрожала.

— Успокойся, тётка Магда.

— Василь жив?

— Жив, жив твой Василь! Сидит на берегу и ждёт тебя.

— Спасибо тебе. Да поможет тебе бог.

— Нет, тётка Магда, да помогут нам люди!

— Все? — спросил лейтенант.

— Нет. Один остался на дереве. Не хочет слезать,— ответил солдат.

— Взять его силой,— приказал лейтенант.

Но Мотрюк не стал ждать. Он бросился в стремительную реку, и никто не знал, вынырнул он или нет.

Тётка Магда сняла с головы платок. Я впервые увидел её молодое лицо. Раньше я думал, что она старая.

...Прошло много лет. И Мотрюк всё это время, как дикий зверь, бродил из села в село. В Пильники он ни разу не заходил. Иеговистов там не осталось.

«Может, и он, Мотрюк, когда-нибудь поймёт,— подумал я,— что нет на свете никакого Иеговы, а есть только люди».

В. Железников

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дубровский Е.</i> Об этой книге.	3
<i>Воскресенская З.</i> Дом продан.	6
<i>Воронцова Л.</i> А если бабушка велела?	14
Что случилось с Зиной.	—
Зину судят товарищи.	23
<i>Романченко О.</i> Еретик	43
<i>Железников В.</i> Да поможет человек	50

Для младшего школьного возраста

ДА ПОМОЖЕТ ЧЕЛОВЕК

Р а с с к а з ы

ИБ № 1992

Ответственный редактор

С. В. Орлеанская

Художественный редактор

В. А. Горячева

Технический редактор

Г. Г. Рыжкова

Корректоры

Э. Л. Лофенфельд -а Л. А. Рогова

Сдано в набор 11/V 1978 г. Подписано к печати 13/IX 1978 г.
Формат 60 x 90¹/1 в. Бум. типогр. № 1. Шрифт школьный. Печать
высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 2,85. Тираж 150 000 экз.

Заказ № 2586. Цена 10 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литерату-
ра», Москва, Центр, М. Черкасский пер.» 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1
Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, С) iAssciifrdj вал, 49.

10 коп.